

Дударев Дмитрий Сергеевич

РОССИЙСКИЕ ДЕЯТЕЛИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье анализируется яркая черта действительности Северного Кавказа первой половины XIX в. - набеговая деятельность горцев. Автор выясняет эволюцию взглядов российских современников тех событий на проблему набегов и приходит к выводу, что если вначале они оценивали участие горцев в набеге как проявление "склонности к грабежу" и т.п., то впоследствии уже рассматривали набеги как манифестирование отваги, удачливости, щедрости и т.п., показав, что набеги, в конце концов, в качестве внешней оболочки приобретают форму религиозной исламской войны - газавата - против "неверных".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. I. С. 90-95. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Черных О. П.** Смыслы реальности: к вопросу о становлении феномена // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (88). С. 150-151.
2. **Floridi L.** Foundations of Information Ethics [Электронный ресурс] // The Handbook of Information and Computer Ethics / ed. by Kenneth Einar Himma and Herman T. Tavani. Hoboken, New Jersey: Published by J. Wiley & Sons, Inc., 2008. P. 3-24. URL: http://www.cems.uwe.ac.uk/~pchatter/2011/pepi/The_Handbook_of_Information_and_Computer_Ethics.pdf (дата обращения: 14.10.2015).
3. **Floridi L.** On the Intrinsic Value of Information Objects and the Infosphere // Ethics and Information Technology. 2003. No. 4 (4). P. 287-304.
4. **Floridi L., Sanders J. W.** Artificial Evil and the Foundation of Computer Ethics // Ethics and Information Technology. 2001. No. 3 (1). P. 55-66. DOI: 10.1023/a:1011440125207.

**INFORMATION ETHICS AS ONTOCENTRIC ECOLOGICAL MACRO-ETHICS
IN LUCIANO FLORIDI'S PHILOSOPHY OF INFORMATION**

Donets Ol'ga Vasil'evna
Chernykh Oksana Pavlovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Nosov Magnitogorsk State Technical University
dolga74@mail.ru

The article aims at studying the ethical theory of the modern European philosopher L. Floridi. Using information approach he considers information as the ultimate level of abstraction. As a result of this the boundaries between a human being and other life forms, between animate and inanimate nature, between the natural and the artificial are eliminated, and thus “ecological macro-ethics” is created. In such ontological model not only a human being but also any form of being is considered to be worthy of the observance of its interests and the own laws of development at least to the minimal degree, i.e., at the level of neutral balance.

Key words and phrases: philosophy of information; ecological philosophy; information; infosphere; ecology; ethics; Luciano Floridi.

УДК 94(470.62/67)

Исторические науки и археология

В статье анализируется яркая черта действительности Северного Кавказа первой половины XIX в. – набеговая деятельность горцев. Автор выясняет эволюцию взглядов российских современников тех событий на проблему набегов и приходит к выводу, что если вначале они оценивали участие горцев в набеге как проявление «склонности к грабежу» и т.п., то впоследствии уже рассматривали набеги как манифестирование отваги, удачливости, щедрости и т.п., показав, что набеги, в конце концов, в качестве внешней оболочки приобретают форму религиозной исламской войны – газавата – против «неверных».

Ключевые слова и фразы: набеги; «горская экспансия»; социализация молодежи; баранта; наездники; плено-продавство; хищничество; хаджиреты; газават; военная демократия; престижно-промысловая деятельность.

Дударев Дмитрий Сергеевич

Армавирский государственный педагогический университет
rektoragpu@mail.ru

**РОССИЙСКИЕ ДЕЯТЕЛИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОЦИАЛЬНОГО
И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА©**

К числу наиболее актуальных проблем изучения горских сообществ Северного Кавказа, находившихся в процессе интеграции в составе Российского государства в XVIII – середине XIX в., относится определение уровня их социокультурного, экономического и политического развития. В небольшой статье нет возможности рассмотреть разнообразные нюансы данного спектра вопросов, поэтому мы ограничимся только той стороной указанной тематики, которая касается наиболее острой ее грани – проблемы горских набегов, совершаемых в российских пределах.

Набеговая традиция привлекла к себе *внимание* европейских авторов, по меньшей мере, со второй половины XVIII в. [14, с. 176-221]. Примечательно, что некоторые современные ученые, проявляющие большой интерес к этой теме, обращаются к сведениям дореволюционных российских авторов середины XIX – начала XX в. [9, с. 202]. Тема набегов горцев в современной историографии стала звучать постоянно с начала 1980-х гг., т.е. с того момента, как известный историк-кавказовед М. М. Блиев выступил с концепцией т.н. «горской экспансии», подразумевавшей промысловый характер нападений северокавказских автохтонов на российские

крепости, села и станицы и являвшейся агрессивной формой «собираия» феодальной собственности [1]. Эта идея нашла отражение и в монографии М. М. Блиева, написанной в соавторстве с В. В. Дегоевым [2], и также вызвала резкую критику со стороны ряда северокавказских историков, которые, с одной стороны, увидели в этих выступлениях попытку принизить уровень социального развития горцев [19], с другой стороны, расценивали их набеговую деятельность как форму национально-освободительной борьбы против самодержавия [9, с. 214]. В то же время разработки М. М. Блиева получили поддержку со стороны представителей Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова, хотя и не без критических замечаний [12]. Публикации по существу и характеру набеговой деятельности горцев, а также сопровождающая их дискуссия продолжают и по сей день [22] и включают в себя как элементы обозначенных выше подходов [9; 17], так и указание на то, что набеги были, в немалой степени, связаны со специфическими формами социализации молодежи в горских социумах [15]. Интерес к данной тематике проявляется современными историками и в разрезе проблемы рабства и работорговли на Северном Кавказе [13].

В связи с этим наша цель состоит в том, чтобы выявить отношение к указанному феномену со стороны «официальных» российских авторов (администраторов, ученых, военных) первой половины XIX в. – того хронологического отрезка, когда он уже стал заметным фактором общественной жизни горцев¹.

Одним из первых российских авторов, который обратился к теме набегов, грабежей, торговли пленными и т.п. у народов Кавказа, был С. М. Броневский, занимавший должности в администрации главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом, а затем в Коллегии иностранных дел Российской империи [3, с. 9]. Это придает сведениям, содержащимся в работе Броневского и отражающим реальность конца XVIII – самого начала XIX в., высокую достоверность, т.к. он имел доступ к свежей и наиболее точной информации. Наряду с указаниями на «добровольную» продажу горцами своих детей на Ближний Восток, этот автор пишет о набеге черкесов двоякого рода: как о «домашней войне» в рамках обычая баранты (барымты), рассматриваемого как месть за нанесенную обиду, так и акциях против Кавказской линии. Именно во время последних «оплошные путешественники или работающие на полях поодиночке и в дальнем разстоянии от жилых крестьян захватываются в плен» [Там же, с. 120]. Похищение людей в мирное время у соседей или знакомых «почитается на молодечество для горскаго наездника» [Там же, с. 121]. С. М. Броневский достаточно пространно описал маршруты, по которым шли конвои, ведущие пленников до Анапы, Батума и Поты, дал характеристику известным невольничьим рынкам на Кавказе (Эндери и Джары) [Там же, с. 189-190], способам вовлечения в плен, «технике» транспортировки пленных и их содержания в неволе, вымогания выкупа и т.п., что детализируется в различных местах его труда [Там же, с. 185-186].

Существовавшая на Кавказе практика похищения людей вписывалась в устойчивую систему, которую автор характеризует словами: «одни грабят, другие покупают» (один из знаковых авторов исследуемого нами периода, ген. Р. А. Фадеев спустя полвека писал о временах Броневского, вторя ему: «Весь Кавказ был обращен в один невольничий рынок» [28, с. 41]). Что же касается наиболее заинтересованных в пленопродавстве социальных групп северокавказского населения, то среди них у черкесов, кумыков и ногайцев заметное место занимали князья, т.е. представители социальной верхушки [3, с. 165, 173, 192]. При этом ничего не говорится о столкновениях с войсками и взятии в плен российских военнослужащих, но описывается хорошо разработанная практика захвата и «реализации» представителей мирного населения. Уменьшение такого рода деятельности со стороны горцев видится автору в занятии российскими войсками Грузии и дорог Кавказского ущелья, а прекращение ее вовсе – в установлении строгой пограничной стражи. Самые главные способы устранения «грабительств» заключались, по мнению С. М. Броневского, в неуклонном преследовании и наказании «хищников» (этот знаковый термин впоследствии неоднократно будет встречаться в работах российских авторов), но соразмерном наказании виновных, исключая пристрастие и мщение (что долго было проблемным моментом в политике кавказской администрации), а также снабжении горцев всем необходимым для удовлетворения их жизненных потребностей (для чего нужно было ввести на Кавказе повсеместно свободную торговлю со снятием всех таможенных застав, кроме Кизлярской, увеличении крейсера на Черном море, для перехвата судов с пленными). Как видим, предусматривая силовые меры для пресечения торговли пленников (а значит, и устраняя стимулы для набегов) один из представителей кавказской администрации стремится рекомендовать и пути смягчения набеговой деятельности горцев (источника, на его взгляд, всех главных пороков горцев), а затем – полного ее прекращения и обращения их «к земледелию и другим первоначальным промыслам гражданского состояния», особенно – мирной торговле (главному, по С. М. Броневскому, пути образования горских народов), которая признавалась кавказским рыцарством (выражение самого автора) за «низкое ремесло» [Там же, с. 44, 80, 122, 191]. Другие современные авторы ранее также отмечали положительный потенциал рассуждений С. М. Броневского для поиска дальнейших путей мирной интеграции горцев в состав России [4]. Оставаясь реалистом, этот деятель понимал, что развитие торговли в ее цивилизованном виде – дело будущего, поскольку для функционирования рыночных отношений нужна инфраструктура, в т.ч. дороги, а также коренное изменение менталитета горских жителей [3, с. 80]. Впрочем, оставаясь сыном своего времени, С. М. Броневский в ряде мест своего, безусловно, ценного, в целом, сочинения адресуется кавказским народам отнюдь не лестные эпитеты, упрекая их в лености, зверстве и корыстолюбии, праздности и пьянстве [Там же, с. 191]. Особенно в этом отношении достается немирным чеченцам, «славнейшим в Кавказе разбойникам», которые «так обуяли в злодействе», что никого не щадят, ведущим, по мнению этого деятеля, «зверской образ жизни в высшей степени» [Там же, с. 183-186].

¹ Взгляды декабристов на проблемы Кавказа анализируются автором отдельно.

Другим автором, который, что примечательно, параллельно с С. М. Броневским, оставил важные свидетельства по интересующему нас вопросу, был российский академик Ю. Клапрот [16, с. 312]. В его описаниях набеги горцев как на «русскую территорию», в том числе, черноморские станицы, так и друг на друга являются совершенно привычным делом, в котором участвуют различные группы абазин (алтыкесеки, бешилбаевцы), черкесов (абадзехи, шапсуги, натухаевцы и др.), кабардинцев [Там же, с. 111, 115, 117, 125, 128-130, 132-133, 136-137 и др.]. Клапрот в целом не склонен давать резко отрицательные эпитеты горскому населению, тем не менее, и у него можно встретить выражения вроде: «Именно бедность, а также естественная склонность к грабежу превращают их в разбойников» [Там же, с. 137], и даже в одном случае стремление синонимизировать этноним «черкес» с понятием «разбойник», «грабитель» [Там же, с. 204]. Констатация об указанной склонности встречается в работе Ю. Клапрота неоднократно [Там же, с. 117, 132 и др.].

Он отмечал трудолюбие и земледельческие занятия карачаевцев, но тут же указывал, что они слишком слабы, чтобы заниматься военным делом. Иными словами, трудолюбие некоторых групп горцев – вовсе не их достоинство. Черкесы, например, весьма не расположены к труду и хотя расторопны и услужливы, но, в то же время, эгоистичны и лукавы, а также вероломны в своих действиях, занимаясь в основном войной, охотой и грабежом [Там же, с. 229]. Все же важно, что автор уже стремится видеть не только некие ментально-психологические, но и конкретные социальные основы стремления горцев к экспроприаторской деятельности – бедность, недостаток средств к существованию [Там же, с. 132]. Одновременно в ряде случаев Клапрот указывает на напряженную обстановку на Кавказской линии, которая была связана с тем, что кавказское командование эффективно не пресекало нападения горцев, прежде всего, кабардинцев, на «русскую территорию». Эти вылазки наносили российской стороне столь большой ущерб, что он был не сравним с последствиями эпидемии чумы того времени на Северном Кавказе [Там же, с. 187]. Оценки ученого действий российской администрации порой весьма противоречивы. С одной стороны, он отмечает «неправильную политику» гуманности и милосердия, проводимую русским правительством (в лице И. В. Гудовича, сменившего погибшего П. Д. Цицианова, сторонника «жесткого курса» в отношении горцев) на момент кавказских поездок Ю. Клапрота (1807-1808 гг.), и оцениваемую горцами как проявление слабости [Там же, с. 213] (в российской историографии эта политика традиционно описывается как политика «ласканий») [8, с. 108-113]. С другой, он делает в высшей степени показательный и неожиданный пассаж, в котором звучит невиданно резкая для официального ученого критика правительственных действий в отношении кабардинцев. По Клапроту, не приходится удивляться, что этот народ столь враждебно расположен к русским, так как последние под видом покровительства и дружбы все больше и больше захватывают их земли и ныне уже заперли их внутри четвертой части их прежних пастбищ. Более того, политика правительства России характеризуется Ю. Клапротом как злобная, поскольку причиняет вред «этому храброму и достойному уважения народу» и должна быть исправлена [16, с. 188]. Итак, «лукавые грабители» единым росчерком пера превратились в «уважаемый народ». Интересно с чем связаны такие метаморфозы в оценках историка?

Не будем забывать, что автор, поработав на российской службе, уехал затем навсегда в Германию и Францию, а его двухтомный труд вышел на немецком языке в 1812 г. в Халле и Берлине, а в 1814 г. – на английском – в Лондоне. Клапрот, будучи вдали от российских цензоров, хотя и не столько строго настроенных при Александре I, мог себе позволить и некоторые замечания и сведения, которые шли вразрез с официальной линией. К их числу можно отнести и явно компрометирующий российскую кавказскую администрацию факт сотрудничества коменданта крепости Владикавказ графа Ивелича с местными феодальными предводителями, которые делили с ним добычу от набегов: это один из первых случаев фиксации деятельности российских «оборотней» из властных структур на Северном Кавказе [Там же, с. 236]. Но, честно отработывая свой хлеб, Ю. Клапрот также дает и рекомендации властям о том, что следует предпринять для сдерживания набеговой деятельности местных джигитов. Для этого нужно с помощью строительства кордонной линии вдоль Кубани пресечь связи закубанцев и кабардинцев, и вообще жителей Кавказа, с турками, т.е. не давать вести с ними торговлю, особенно пленниками, а также возможность укрывать за Кубанью награбленное на Линии. Другой частью предложений Клапрота была рекомендация принять план полковника Рузеви, разработанный еще под руководством П. Д. Цицианова, о проведении Линии вдоль Сунжи от ее впадения в Терек, близ Брагуна, до Владикавказ. Эта линия имела многоцелевое назначение: изолировала кабардинцев от чеченцев и кумыков, отрезала чеченцев от выхода на важную дорогу от Моздока до Владикавказ и т.д. [Там же, с. 239]. План Рузеви был назревшим мероприятием, предвосхищая деятельность А. П. Ермолова, на практике перенесшего линию российских укреплений с Терека на Сунжу.

Среди работ, написанных российскими авторами первой половины XIX в., часто представлявших собой более или менее пространные очерки, в отличие от основательных монографических исследований С. М. Броневского и Ю. Клапрота, одним из наиболее важных является знаменитый труд барона К. Ф. Сталя «Этнографический очерк черкесского народа» [27], по существу, представлявший собой книгу, в которой весьма компетентно рассматриваются реалии социокультурной, политической и духовной жизни черкесов, ибо своеобразным консультантом автора выступил знаток адыгского быта, поручик Омар Берсеев. И уже сам этот факт указывает на то, что совершалась более глубокая интеграция части адыгов в российскую среду [11]. Но что особенно важно, в очерке Сталя, написанном в самой середине XIX в., тема набегов и «хищничества» получает наиболее глубокое раскрытие и освещается с учетом мнений самих горцев, без предубеждений, свойственных Броневскому и Клапроту, а также Н. Данилевскому. Последний представил свое сочинение (менее ценное, чем работа К. Ф. Сталя) несколько ранее [10], не удержавшись при этом

от рассуждений вроде: «Дагестанцы имеют большое сходство с лезгинами: та же склонность к разбоям, самоуправству, своеволию, лености, пьянству и корыстолюбию» [Там же, с. 76]. Наиболее же привлекает внимание то обстоятельство, что Сталь переоценивает реалии интересующей нас темы с точки зрения новых реалий, а именно появления идеологии мюридизма и ее отношения к горскому «удальству».

Один из подзаголовков этнографического очерка барона Сталя так и называется «Воровство и хищничество». Автор прямо говорит о том, что они играют важную роль в жизни горцев. Но этим и ограничивается, казалось бы, намечающееся сходство с заключениями его предшественников на сей счет. По К. Ф. Сталю выходит, что мотивы двух только что названных понятий являются, говоря современным научным языком, одной из коренных ментальных структур горцев. Но в отличие от названных или оставшихся за рамками нашего непосредственного анализа работ российских авторов XIX в. Сталь отходит от констатаций о «врожденной склонности» горцев к грабежу и т.п. «Хищничество» для черкеса – единственное средство снискать себе *состояние, вес и доброе имя*. Автор ярко демонстрирует, что в обществе, где доминируют ценности, связанные с военизированным образом жизни – храбрость, отвага, презрение к опасности, – у молодого человека, мужчины нет иной возможности, кроме удачного участия в набегах, доказать своему окружению, в том числе, старшим, ровесникам, а также девушкам, что ты достойный уважения джигит. К. Ф. Сталь, по существу, подчеркивает одну очень важную этнопсихологическую черту горца, чего до него не делал никто. Горец по натуре – это *чрезвычайно репрезентативный субъект*. Для него престиж, а также, как сейчас говорят, имидж – понятие решающее. Та же самая добыча, например, скот, угнанный у соседей-горцев или у казаков, раздается знакомым, ибо наездник, военный лидер, должен быть щедрым [21, с. 23]. Это напоминает нравы европейского рыцарства, для которого копить было позором, а дарить, раздавать – доблестью [20, с. 84]. Ради того, чтобы его имя громко звучало в горах, было на устах местных сказителей, открывая, тем самым, путь к общественному признанию и уважению, высшим проявлением которого является звание «языка народа», черкес (в данном случае этот этноним можно рассматривать как понятие собирательное) пойдет на серьезные труды. Но они не будут связаны с сохой или косой. Сталь прямо пишет: «Терпение, настойчивость, смелость, самоотверженность в хищничестве изумительны» [27, с. 118]. И тут же трезво резюмирует: «Сколько прекрасных качеств духа человеческого, истраченных на такое низкое назначение!» [Там же].

К. Ф. Сталь полагает, и справедливо, что необходимо дать честолюбивым горцам иное поприще для самоутверждения, что должно отвратить их от участия в набегах. В то же время, он видит только одно средство преобразования подобных понятий – христианство, которое их переработает и даст другое направление умам. Столь узкий подход к воспитанию горцев показывает историческую ограниченность автора. Конечно, в перспективе можно рассматривать это пожелание как средство приобщения к европейской цивилизации вообще. Но у Сталя упорная борьба христианства против варварства и невежества носит, все же, жестко идеологизированный характер, ибо такую борьбу он рассматривает как *крестовый поход XIX столетия!* [Там же, с. 144]. В очерке барона Сталя мы встречаем также важнейшую в плане целей данной статьи констатацию о том, что с 1835 г. хищники приняли название хаджиретов [Там же, с. 118]. К. Ф. Сталь уточняет, что так назывались приверженцы учения, проповедовавшего войну за веру [Там же, прим. 1] и в целом, верно, делает вывод в том смысле, что набеги в российские пределы приобрели религиозную санкцию, и смерть во время «хищничества» давала право называться шагидом (шахидом), т.е. мучеником, воином, павшим в борьбе с «неверными» за веру [18, с. 314]. Недаром в одной из чеченских героических песен – песне об Эль-Мурзе – есть такие слова: «Дорогая наша добыча – белый газават, нами сегодня заслуженный» [29, с. 65]. Таким образом, работа К. Ф. Сталя помогает увидеть назревающий кульминационный пункт в эволюции феномена горского «хищничества», описание которого было начато Броневским и Клапротом. Ибо подлинным апогеем нового отношения к проблеме «хищничества» явилась известная работа Р. А. Фадеева «Шестьдесят лет Кавказской войны» [28]. Сильной ее стороной является то, что он пишет о горцах, как достойном противнике, называя их «храбрейшими» (чеченцы), «богато одаренными людьми» (все горцы), которые были веками подготовлены для нравственного пожара, а не скажем, средневекового изуверства и т.п. (мюридистское движение), внезапно охватившего Кавказ. Его жители, по мнению Р. А. Фадеева, соединяют впечатлительность «азиатцев» с энергией, независимостью личности и предприимчивостью европейцев [Там же, с. 71, 101]. Это новое слово в устах видного представителя российских авторов середины XIX в. Наиболее же примечательно незаурядное суждение Фадеева (не лишнее, тем не менее, очевидного сарказма, но не опускающееся до выражений, вроде «зверского образа жизни»), о том, что мюридизм увлек горцев с обеих сторон их природы, создав для них идеал жизни, не требующий никакого нравственного усилия человека над собой, состоящий из битв, приключений, опасностей и грабежа, увенчанных раем [Там же, с. 102]. Работы некоторых современных историков подтверждают именно такой генезис набеговой деятельности горцев – от престижного «промысла» к набегам на «газаватской» основе [23, с. 120-121], что, как видим, фиксирует и горский (чеченский) фольклор.

Итак, ознакомление с рядом показательных работ российских авторов конца XVIII – середины XIX в. позволяет сделать следующие выводы. Осуществляясь традиционно еще с XV-XVI вв. и вплоть до XVIII-XIX вв., как о том свидетельствуют иностранные путешественники, наблюдавшие быт жителей западной и в меньшей степени восточной части Северного Кавказа (Дж. Интериано, Джованни да Лукка, Николас Витсен, Ксаверий Главани, Шарль де Пейсонель, Ян Потоцкий, А. Оммер де Гелль, Э. Спенсер, и др.) [14, с. 26, 38, 42, 67, 114, 137; 24, с. 64-65, 67-68, 71-73; 25, с. 264-265, 273; 26] и являясь заметной чертой местного быта, набеги за добычей и пленными носили промыслово-престижный характер в условиях (прото)феодално-патриархальных общественных отношений [6], а также отражали слабое или недостаточное развитие производительных

сил в горских социумах. Дореволюционные авторы не смогли дать дефиницию уровня социальных отношений в горских обществах. Но, тем не менее, они весьма точно заметили их близость к эпохе гомеровских греков [27, с. 116] или германцев времен Тацита [7, с. 61], как одно время было широко признано в отечественной исторической науке, когда господствовала т.н. «военная демократия». Именно с ней известный историк-кавказовед В. Н. Гамрекели связывал те родоплеменные отношения у горцев, которые содержали имманентные импульсы к набегам [1, с. 58]. Ныне указанный термин признан спорным, либо даже изжившим себя. Но к какому типу социополитических отношений нужно тогда отнести строй, при котором господствует ментальность, основанная на ценностях «воюющих», если и термин «феодализм» является для реалий Северного Кавказа неоптимальным? [6]. Думается, все же, что термин «военная демократия» еще рано ныне полностью сбрасывать со счетов.

По мере продвижения к предгорьям Кавказа линии российских укреплений и населенных пунктов, являвшегося результатом стремления России решать свои геополитические задачи (защита южных рубежей от посягательств Сефевидского Ирана и Османской империи, а также опосредованно – их западных «спонсоров»), российская инфраструктура Предкавказья также становится объектом нападений горцев, но характер их набеговой деятельности, по существу, не меняется. И только с конца 1820-х, но особенно в 1830-х гг., по мере распространения среди горцев идеологии суфизма-мюридизма преимущественно в ее газаватской версии [5, с. 41-42], акции горцев по захвату добычи и пленных приобретают определенный религиозно-идеологический окрас. В то же время, работы историков, принадлежащих к Кавказоведческой Школе В. Б. Виноградова, указывают на то, что, по сути, набеговая деятельность горцев продолжала вплоть до конца военных действий на Северном Кавказе носить традиционный престижно-промысловый характер [17].

Список литературы

1. **Блиев М. М.** Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2. С. 54-75.
2. **Блиев М. М., Дегоев В. В.** Кавказская война. М.: Росет, 1994. 592 с.
3. **Броневский С. М.** Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: в 2-х т. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.
4. **Великая Н. Н.** Броневский С. М. о путях и методах включения Северного Кавказа в состав России // Вопросы южнороссийской истории. М.: Армавир, 2007. Вып. 13. С. 42-52.
5. **Великая Н. Н.** Исламизация Северного Кавказа (VII-XIX вв.). М.: РИЖ, 2009. 120 с.
6. **Великая Н. Н.** Проблемы уклада жизни горцев Северного Кавказа и их интеграции в состав Российской империи // Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического развития и исторического выбора: мат-лы 18-го семинара Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова. Армавир – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2013. С. 26-35.
7. **Венюков М. И.** Кавказские воспоминания (1861-1863). Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. 64 с.
8. **Виноградов Б. В.** Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в.: монография. Славянск-на-Кубани, 2009. 138 с.
9. **Гапуров Ш. А.** Еще раз о горско-казачьих набегам // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: мат-лы всероссийской науч. конф. (г. Москва, 19-20 апреля 2005 г.) / отв. ред. Х. И. Ибрагимов, В. А. Тишков. М.: Наука, 2006. С. 202-217.
10. **Данилевский Н. В.** Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении // Кавказ: племена, язык, нравы. Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011. Вып. VIII. С. 53-80.
11. **Дударев Д. С.** Об особенностях интеграции горцев в социально-политическую и культурную среду России в конце XVIII – первой половине XIX в. (по свидетельствам представителей российского общества) // European Social Science Journal. М., 2014. Т. 1. № 6 (45). С. 448-454.
12. **Дударев С. Л.** Из истории идейного противостояния вокруг дореволюционной истории Чечено-Ингушетии в конце эпохи перестройки (часть 1) // История и культура народов Северного Кавказа: сборник научных трудов. Пятигорск, 2008. Вып. 9. С. 179-196.
13. **Иноземцева Е. И.** Институт рабства в феодальном Дагестане: очерки истории. Махачкала: ИИФЭ ДНЦ РАН; АЛЕФ, 2014. 298 с.
14. **Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков** / сост. В. Аталиков. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. 304 с.
15. **Карпов Ю. Ю.** Взгляд на горцев. Взгляд с гор: мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 656 с.
16. **Клапрот Ю.** Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества, императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т.д. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2008. 318 с.
17. **Клычников Ю. Ю., Цыбульникова А. А.** «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / под ред. и с предисл. В. Б. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011. 256 с.
18. **Ньюби Г.** Краткая энциклопедия ислама. М.: Фаир-Пресс, 2007. 484 с.
19. **Ортабаев Б. Х., Тотоев Ф. В.** Еще раз о Кавказской войне: её социальных истоках и сущности // История СССР. 1988. № 4. С. 185-191.
20. **Оссовская М.** Рыцарь и буржуа: исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
21. **Панеш Э. Х.** Традиции в политической культуре народов Северо-Западного Кавказа // Этнические аспекты власти: сборник статей / ред. В. В. Бочаров. СПб.: Языковой центр, 1995. С. 13-35.
22. **Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX столетия** (историко-этнографические очерки) / под ред. и с предисл. В. Б. Виноградова. Пятигорск, 2010. 318 с.

23. Скиба К. В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской линии. Армавир, 2005. 122 с.
24. Соснина Е. Л. Гениальный фантом (Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи) // Соснина Е. Л. Два путешествия в золотой век. Пятигорск: Северокавказское изд-во «МИЛ», 2003. С. 9-178.
25. Соснина Е. Л. Легенда в жизни Лермонтова (Омер де Гель А. Путешествие по Прикаспийским степям и Югу России) // Соснина Е. Л. Два путешествия в золотой век. Пятигорск: Северокавказское изд-во «МИЛ», 2003. С. 181-352.
26. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию [Электронный ресурс]. URL: <http://davaiknam.ru/text/edmond-spenser-puteshestviya-v-cherkesiyu> (дата обращения: 14.09.15).
27. Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказ: племена, язык, нравы. Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011. Вып. VIII. С. 81-144.
28. Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны // Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо, 2003. С. 33-111.
29. Чечня и чеченцы в материалах XIX в. / сост. Я. З. Ахмадов, И. Б. Мунаев. Элиста: Санан, 1990. 108 с.

RUSSIAN FIGURES OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY ON THE SPECIFICS OF SOCIAL AND POLITICAL DEVELOPMENT OF THE NORTH CAUCASUS MOUNTAIN PEOPLES

Dudarev Dmitrii Sergeevich

ArmaVir State Pedagogical University
rektoragpu@mail.ru

The article analyzes a striking feature of the North Caucasus reality of the first half of the XIX century – the raids of the mountain peoples. The author clarifies the evolution of the views of Russian contemporaries on the mentioned problem and concludes that if at the beginning they evaluated the participation of the mountain peoples in the raids as a manifestation of “tendency to robbery” etc., then later on the raids were considered as a manifestation of courage, luck, generosity, etc. They argued that the raids, after all, acquired a form of religious Islamic war against “the infidel” – jihad.

Key words and phrases: raids; “mountain peoples’ expansion”; socialization of young people; baranta; horsemen; human trafficking; predation; hajiret; jihad; military democracy; prestigious trade.

УДК 908.9

Исторические науки и археология

В статье рассматривается вопрос снабжения топливом предприятий, учреждений и населения города Ишима в годы Великой Отечественной войны. Изучаются способы добычи, транспортировки и распределения местных видов топлива – дров и торфа. Обосновывается мнение о том, что эффективное использование ограниченных топливных ресурсов позволило решить вопросы функционирования местного хозяйства и жизнеобеспечения жителей города.

Ключевые слова и фразы: Великая Отечественная война; Ишим; Гортоп; топливо; дрова; торф; Горсовет; рабочие.

Иванов Константин Сергеевич

Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий
vagai87@yandex.ru

РЕШЕНИЕ ТОПЛИВНОГО ВОПРОСА В ГОРОДЕ ИШИМЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ©

Повседневная жизнь Ишима в годы Великой Отечественной войны является малоисследованной страницей в истории города. Отдельные фрагменты этой проблемы иногда встречаются в статьях и книгах, приуроченных, как правило, к очередной годовщине Великой Победы. Исследования же, целиком посвященного теме повседневности Ишима на данный момент не проведено. Данная тема является актуальной, так как позволяет рассмотреть повседневную жизнь сибирского тылового города на примере Ишима.

Одной из многих сторон военной повседневности г. Ишима является проблема снабжения топливом. Сокращение добычи каменного угля в начале войны, мобилизация, расположение в лесостепной зоне, острый недостаток транспорта – все это приводило к тому, что власти города распределяли дрова порой считанными десятками кубометров, а простые жители вынуждены были бережно относиться к каждому полону.

Обеспечением топливом учреждений и жителей города Ишима до войны и в военные годы занимался Ишимский Гортоп. Ишимцы либо получали топливо от тех организаций, в которых работали, либо снабжались как особые категории граждан (семьи военнослужащих), либо покупали, либо заготавливали самостоятельно. Топливо можно условно подразделить на 2 категории:

- 1) привозное – каменный уголь, добытый в Кузбассе, доставляли по железной дороге;
- 2) местное – дрова и торф, заготавливались непосредственно в Ишимском районе.